

СОВРЕМЕННЫЙ ИСТОРИК В ПОИСКАХ МЕТОДА

УДК 930.1, ББК 63+60.03, DOI <https://doi.org/10.21638/11701/spbu19.2019.201>

Л. П. Репина

**«ДОСТУПНЫЙ НАШИМ ЧУВСТВАМ ЗНАК»,
ИЛИ ИСТОРИКИ
В ПОИСКАХ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ АРГУМЕНТОВ**

В течение многих десятилетий историки так или иначе пытались найти ответы на вопросы о природе исторического знания. Начиная с 1980-х гг., под воздействием радикальной критики, вера историков в «прозрачность» источников существенно пошатнулась, а в конце XX столетия историческая наука уже переживала глубокую внутреннюю трансформацию, которая ярко проявлялась в смене теоретических установок, исследовательских подходов, научного статуса и самого языка истории. Историографическая ситуация этого периода, нередко обозначаемая как «постмодернистская», характеризовалась принципиальными расхождениями и даже расколом в профессиональном

© Л. П. Репина, 2019

сообществе по базовым дисциплинарным вопросам — о предмете истории, взаимоотношениях историка с источником, об объекте и субъекте, возможности, ограничениях и способах исторического познания, о содержании, природе и верификации полученного исторического знания, о статусе исторического нарратива и др.

Привычные методы работы историка вступили в конфликт с новыми представлениями об истории и о ее отношении к прошлому. Одним из наиболее заметных знаков перемен стало интенсивное использование в исторических работах источников литературного происхождения с помощью теорий и методов, заимствованных из современного литературоведения. «Лингвистический поворот», обозначивший сдвиг от традиционных подходов к познанию прошлого в направлении дискурс-анализа, представлял собой действительно серьезный вызов, можно даже сказать — удар, который пришелся по самому чувствительному месту — «благородной идее» исторической истины. Анализ ситуации, которая сложилась в мировой историографии к середине 1990-х гг., позволял констатировать значимые изменения в сфере профессионального сознания и самосознания историков, серьезные расхождения в представлениях о собственной профессии и месте истории в системе гуманитарного знания¹. Как выразился один из признанных лидеров постмодернистов Кит Дженкинс, «познать прошлое невозможно <...> разрыв между прошлым и историей таков, что никакие эпистемологические усилия не могут его преодолеть»².

Однако период панических настроений, жесткой полемики и даже конфронтации оказался не очень продолжительным. В атмосфере настойчивого отрицания научного статуса истории, бесплодной дискуссии о «фактах» и «фикциях», которую О. Г. Эксле точно обозначил как «ловушку» дихотомического сознания, заранее исключаящую, «что может быть что-то третье, как минимум — еще третье»³, это «третье» не заставило себя долго ждать — в лице представителей так называемой третьей платформы, или «средней позиции». Историки, разделявшие эту эпистемологическую позицию «миддлграунда»⁴, исходили из существования реальности вне дискурса и, переосмысливая свою практику в свете новых перспектив, принимали последствия «лингвистического поворота» в историографии постольку, поскольку он не доходит до того крайнего предела релятивизма, за которым отрицается само понятие истории, отличное от понятия литературы.

В 2000-е годы большинство историков продолжали свою профессиональную деятельность, лишь незначительно или даже совсем не обращаясь к теоретическим постулатам постмодернизма. Некоторые известные авторы уже в середине «нулевых» посчитали, что постмодернизм — дело прошлое, подчеркивая, что большая часть ключевых пост-

¹ Такой анализ с позиции осмысления ситуации в *современной* историографии был представлен мной в 1996 г. в известном «методологическом» выпуске альманаха «Одиссей». См.: *Репина Л. П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // *Одиссей. Человек в истории – 1996. Ремесло историка на исходе XX века.* М., 1996. С. 25–38.

² *Jenkins K.* *Re-thinking History.* Revised edition. London, 2003. P. 23.

³ *Эксле О. Г.* Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки // *Диалог со временем.* 2001. Вып. 11. С. 56.

⁴ См., например: *Снигел Г. М.* К теории среднего плана: Историописание в век постмодернизма // *Одиссей. Человек в истории – 1995.* М., 1995. С. 211–220.

модернистских текстов была написана до 1990 г., и почти все монографии по истории историописания, написанные в постмодернистском ключе, вышли в свет до 2000 г.⁵ Имели место даже заявления о «смерти постмодернизма»⁶. Однако с этим можно согласиться только с оговорками. Известия о «смерти постмодернизма» оказались столь же преждевременными⁷, как и заявления постмодернистов 1990-х гг. о смерти истории как науки⁸. Правда в том, что была проделана колоссальная работа по переосмыслению ключевых проблем исторического познания (речь идет как о программных статьях, так и об экспликации эпистемологических позиций в конкретно-исторических работах). Таким образом, вопрос о том, каковы познавательные ресурсы истории, был поставлен на конструктивную основу (и в буквальном, и в переносном смысле).

Впрочем, рассуждения о том, что невозможность «прямого восприятия реальности» вовсе не означает, что никакого реального прошлого вообще не существовало, и поэтому «конструирование» этой реальности историком не может быть произвольным, а следует определенным правилам профессии, отнюдь не были новацией. Хотя проблематика специфики исторического познания резко актуализировалась именно в эти годы, не стоит забывать о том, что ее фундаментальные вопросы были системно поставлены еще в позапрошлом веке (а фрагментарно — и гораздо раньше). На эти вопросы с эпохи Просвещения давались различные ответы⁹.

Обратимся, однако, к более близкой эпохе в истории исторической науки, а именно — к размышлениям над интересующей нас проблемой Марка Блока в его знаменитой «Апологии истории»¹⁰. Признавая, что «...в отличие от познания настоящего, познание прошлого (здесь и далее курсив мой. — Л. Р.) всегда будет “непрямым”»¹¹, М. Блок, тем не менее, уточнял, что «непосредственное наблюдение — почти всегда иллюзия, и как только кругозор наблюдателя чуть-чуть расширится, он это понимает. <...> Исследователю настоящего досталась в этом смысле ненамного лучшая доля, чем историку прошлого»¹². Но надо ли считать, что *наблюдение* прошлого, даже весьма отдаленного, всегда до такой степени является «непрямым»?

⁵ См., например: *Mortimer I. What isn't History? The Nature and Enjoyment of History in the Twenty-First Century // History. 2008. Vol. 93. No. 4. P. 454–456.*

⁶ «Он сказал все, что было нужно сказать, в 1980-е и 1990-е годы, и потом постепенно умолк...» (*Kirby A. The Death of Postmodernism and Beyond // Philosophy Now. A Magazine of Ideas. 2007. Issue LVIII (URL: <http://www.philosophynow.org/issue58/58kirby.htm>)).*

⁷ См., в частности: *Munslow A. 1) Narrative and History. London, 2007; 2nd ed. London, 2018; 2) The Future of History. London, 2010; 3) A History of History. London, 2012; 4) Authoring the Past. London, 2013.*

⁸ Ср.: *Филлюшкин А. И. Смертельные судороги или родовые муки? Споры о конце исторической науки в начале XXI в. // Россия XXI. 2002. № 4. С. 64–99.*

⁹ См. анализ представлений о статусе исторического знания в его эпистемологическом аспекте с начала XIX века (Л. Ранке, Ф. Ницше, Й. Дройзен, М. Вебер, Э. Кассирер) и размышления О. Г. Эксле о том, «как выстраивается историческое познание с учетом его собственной историчности», и о том, что «определение предмета познания зависит от самого познающего историка и его эпохи» (*Эксле О. Г. Историческая наука в постоянно меняющемся мире // Диалог со временем. 2004. Вып. 11. С. 84–110*).

¹⁰ *Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973.*

¹¹ *Блок М. Апология истории... С. 30.*

¹² *Блок М. Апология истории... С. 31.*

И не случайно именно на этом моменте своих рассуждений Марк Блок уверенно заменяет давно и прочно прижившийся в историографии термин «источник» понятием «след», раскрывая его познавательный потенциал буквально одной фразой: «*Что понимаем мы под словом “источник”, если не “след”, т. е. доступный нашим чувствам знак, оставленный феноменом, который сам по себе нам недоступен?*»¹³. Эти «следы», «знаки», которые «прошлое *непредумышленно* роняет вдоль своего пути»¹⁴, становятся «указаниями», а возможно, и верными «дорожными указателями» на пути его познания. «След», конечно, предполагает, что его оставили, однако в пространстве блоковского размышления ключевым указанием является слово «непредумышленно».

В книге «Три лекции о понятии “СЛЕД”» Андреас Буллер рассматривает философские аспекты концепта «след»¹⁵. Буллер предпочитает понятие «след» понятию «источник», поскольку историческими источниками для историка становятся только те следы, «которые он избрал или выбрал». Проведя некоторые параллели между своими рассуждениями и экспликацией аналогичной (но именно исторической, а не философской) эпистемологической модели — «уликовой парадигмы» Карло Гинзбурга¹⁶, он подчеркивает, что при чтении следов люди «“открывают” для себя *другую* — скрытую от их глаз — действительность», главная особенность которой «заключается в том, что она является *имагинарной* действительностью, т. е. действительностью, которая была создана человеком уже в момент ее несуществования» или же в момент ее существования в качестве «следа»¹⁷. «След» своим существованием «конкретизирует прошлое, выделяя из безграничного “все, что было” только определенные события, образы и феномены»¹⁸. Таким образом понятие «следов прошлого» включается в контекст эпистемологического инструментария исторической науки.

Главное, что надо понять, — решение вопроса о возможности, условиях и границах исторического познания соотносится с вопросом об условиях и пределах научного познания вообще. И здесь, я уверена, мы многое можем и должны почерпнуть из полидисциплинарного интеллектуального диалога со специалистами по эпистемологии, философии и историографии науки, которые прошли свой путь историзации основных представлений о путях научного поиска, изменчивости познавательных норм, социализации и психологизации познающего субъекта, переосмысления эмпирической базы и условий достоверности и пр.¹⁹

Но что мы понимаем под эпистемологией истории? В поле историографии это прежде всего вопрос о специфике истории как формы познания. Как правило, это

¹³ Блок М. Апология истории... С. 33.

¹⁴ Блок М. Апология истории... С. 37.

¹⁵ Буллер А. Три лекции о понятии «СЛЕД». СПб., 2016.

¹⁶ См.: Гинзбург К. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история. Сборник статей / Пер. с итал. и послесл. С. Л. Козлова. М., 2004. С. 189–241.

¹⁷ Буллер А. Три лекции... С. 15–18.

¹⁸ Буллер А. Три лекции... С. 25–26.

¹⁹ См., в частности: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 1160–1166; Агацци Э. Эпистемология и социальное: петля обратной связи // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 58–66; Кузнецова Н. И. Историческая эпистемология в поисках символического статуса // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 29–32; и др.

попытки ответить на вопрос «Что такое история?». И все чаще ответы на этот вопрос ищут в терминах культуры.

В духе «своеобразного культурного конструктивизма» и синтеза различных проблемных полей решает эти вопросы Войцех Вжосек: «...рефлексия об истории и историографии может быть успешно осуществлена только тогда, когда она трактуется как отрасль культуры. И история могла бы быть признана наукой настолько, насколько удалось бы предварительно встроить науку в область культуры». В результате отхода от позитивистского идеала науки (от «Галилеевской парадигмы») субъект-объектное понимание научного познания уступает идее познания как «диалога культур»²⁰. В. Вжосек также резонно констатирует недостаточность таких сфер рефлексии об истории, как история историографии, методология истории, философия истории, и необходимость вывести эту рефлексию на уровень эпистемологии, которая «уравняет все науки о человеке (и не только эти науки) в ряду соперников или партнеров в коллективном усилии познания»²¹. При этом он предлагает свое видение поля эпистемологических поисков: «Мои размышления относятся к тем областям рефлексии, которые, будучи *традиционно отделяемы* (здесь и далее курсив мой. — Л. Р.) друг от друга, ныне становятся друг для друга необходимыми. Я имею в виду *историю исторической науки и методологию истории*. Выясняется, что без истории исторической науки методология истории лишена эмпирии, а история исторической науки, в свою очередь, без методологии беспроблемна. В результате их синтеза возникает новая наука. Сегодня еще трудно сказать, какое ее определение окончательно утвердится. Я бы высказался за название “эпистемология истории”, поскольку, как мне кажется, всякое размышление об истории либо имеет свое обоснование в принятом теоретико-познавательном выборе, либо является *попросту эпистемологией*»²².

В качестве категории «эпистемологически ориентированного историографического анализа» у В. Вжосека выступает понятие историографической метафоры. Что же делает из нее эпистемологическую категорию? Ход мысли таков: история метафор — это история культуры, и в связи с этим «одна из задач эпистемологии истории — выяснить, каким образом метафоры в культуре, их изменчивость или устойчивость, обуславливают своеобразие исторического мышления, а как следствие — “природу” историографических образов мира, создаваемых историческим письмом... Задача эпистемологии истории могла бы заключаться в том, чтобы понять, каким образом изменчивость фундаментальных категорий в области культуры обуславливает познавательные судьбы истории, <...> целью эпистемологии истории был бы поиск, открытие и объяснение генезиса и роли метафор, формирующих интерпретационную базу исторической науки...»²³.

Кстати, В. Вжосек очень точно (в своей терминологии) указывает на то, чем определяется особая глубина кризиса рубежа 1980-х и 1990-х гг. и — одновременно — где проходит «красная линия», отсекающая постмодернистов от сторонников «практической», или «критической историографии» (при наличии довольно широкого круга раз-

²⁰ Вжосек В. Культура и историческая истина. М., 2012. С. 19–21.

²¹ Вжосек В. Культура и историческая истина. С. 17.

²² Вжосек В. Историография как игра метафор: Судьбы «новой исторической науки». Эпистемология истории в поисках сменяющихся историографических метафор // Одиссей. Человек в истории – 1991. М., 1991. С. 60.

²³ Вжосек В. Культура и историческая истина. С. 43–44.

деляемых ими эпистемологических сомнений и аргументов): «С нормальной войной историографических метафор, приходом новых наборов метафор на смену метафорам прежней формации, сегодня соединяется *сомнение в смысле познания как такового* (курсив мой. — Л. Р.). Данное сомнение распространено благодаря постмодернизму, который (в своем крайнем варианте) понимает историю, видимо, не столько как игру историографических метафор (с чем мы могли бы согласиться), сколько как просто свободную игру метафор»²⁴. Таким образом, именно относительность этой свободы, подчиненность «игры метафор» определенным правилам являет собой смысловой фокус эпистемологической повестки идеальной «третьей позиции».

Два принципиальных вопроса (прямо или опосредованно) стоят сегодня в центре обсуждения эпистемологических проблем: *Как думает историк?* и *Что такое историческая истина?* Как думает, как мыслит историк? — если правильно поставить этот вопрос, то получим такую его форму: каковы мыслительные предпосылки, «стоящие за исследовательскими (познавательными) актами, которые предпринимает историк», то есть «какие мыслительные принципы стоят за историей как исследовательской практикой и историографией как способом представления и распространения ее результатов». Эти принципы — не что иное как «принятые в сообществе историков убеждения, взгляды и ценности». Иными словами, именно «состояние исторической культуры предопределяет, какой образ прошлого в ней возникнет»²⁵. Речь, однако, в данном случае идет не только об общей культуре, но также и о профессиональной культуре познающего субъекта. Стоит, видимо, вспомнить, что в свое время Марк Блок, в связи с процедурой составления вопросника, которая рассматривалась им как «поистине первая неотложная задача всякого *правильно ведущегося* (курсив мой. — Л. Р.) исторического изыскания», писал: «Ученый может даже не сознавать этого, а между тем вопросы диктуются ему утверждениями или сомнениями, которые записаны у него в мозгу его прошлым опытом, диктуются традицией, обычным здравым смыслом, т. е. — слишком часто — обычными предрассудками»²⁶.

Второй центральный вопрос дискуссий — Что такое историческая истина? — по существу, главный «вечный вопрос» историографии, чье «стремление к истине» как высшей ценности является ее необходимым атрибутом со времен Античности²⁷. Поскольку истина определяется как продукт культуры, ее понимание в историографии «зависит от способа ее восприятия в данную эпоху, в данной школе мышления, в данной сфере культурной деятельности. Историография представляет собой своего рода наиболее систематичное свидетельство / запись культуры, в частности, *опыт изменчивости понимания истины, которая эту изменчивость фиксирует* (здесь и далее курсив мой. — Л. Р.). Историки, как и все мы, *опутанные культурой*, манифестируют только ее случайный с точки зрения культуры смысл, а в историографической практике реализуют только традиционное в ней воплощение. *Истину, используемую дискурсивным сообществом*»²⁸.

²⁴ Вжосек В. Культура и историческая истина. С. 22.

²⁵ Вжосек В. Культура и историческая истина. С. 141–142.

²⁶ Блок М. Апология истории... С. 37.

²⁷ Одно из наиболее полных современных его обоснований см. в пережившей неоднократные переиздания и переводы на многие языки книге: Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М., 2000.

²⁸ Вжосек В. Культура и историческая истина. С. 267–268.

Рассуждая о концепции «прикладной истины» в духе современной социологии знания, В. Вжосек, по сути, объединяет свои ответы на оба вопроса, развертывая перед читателем логику реализации историком его профессиональной исследовательской программы: «... профессиональный взгляд на прошлое получается не столько благодаря факту обретения способности прозревать действительность саму по себе посредством успешного владения инструментами приближения к ней, сколько благодаря освоению признаваемых сообществом правил проведения исследований и составления исследовательской нарративной истории... это близкие по профессии решают, имеет ли презентуемый образ прошлого черты, позволяющие ему считаться историографическим продуктом...»²⁹. Отсюда и вытекает ответ на вопрос о том, как думает историк: «Историческое мышление заранее устанавливает возможный мир как таковой, после чего принимает, что как таковой он может быть ею опытно (например, посредством источников) испытан. Затем она принимает данный опыт в качестве свидетеля своего осмысления мира, утверждая его как достоверное (то есть достойное веры) именно благодаря данному опыту <...> и строит на нем свои нарративные образы, о которых заявляет, что они истинны, так как поддержаны источниками...»³⁰. В. Вжосек трактует эту позицию как естественную, поскольку «историки действуют в соответствии с принятыми в данной области принципами ремесла, тем самым реализуя свойственные данной исторической специализации правила ее применения. А если в процессе исследований не отклоняются от обязательных стандартов профессии и/или научной специальности, то в конце концов получают достойный признания научным сообществом познавательный результат. Дискуссия об истине, а скорее об истинности конкретных исторических мнений, появляется в том случае, если дело доходит до интерпретационных расхождений в конкретном историческом вопросе. Тогда-то приводятся в движение конкретные методические способы решения, что есть, а что не есть истина. Однако спор об истинности конкретных исторических утверждений не разворачивается на эпистемологическом уровне. Доминирует интерпретация, построенная на привлечении принятых исследовательских принципов, принятых примеров или отсылка к научному авторитету <...> решение о том, так происходило в конкретной ситуации, как утверждает тот или иной историк, или иначе, принимает молчаливым соглашением или открытой декларацией *communitas*, представляющая данную исследовательскую специальность. Санкция исследовательского сообщества является достаточной. Она-то как раз и является носительницей и стражем прикладной истины»³¹.

Следует отметить, что, представляя важнейшие теоретические положения, прежде всего по эпистемологическим вопросам, историки, тем не менее, не предпринимают попыток сформулировать некую новую теорию. Даже Аллан Мегилл, который так и назвал русскую версию своей книги — «Историческая эпистемология», в предисловии к московскому изданию подчеркнул, что видел свою задачу в изложении

²⁹ Вжосек В. Культура и историческая истина. С. 143–144.

³⁰ Вжосек В. Культура и историческая истина. С. 284–285.

³¹ Вжосек В. Культура и историческая истина. С. 260–262. — Необходимые критические оговорки были здесь же выражены предельно ясно и лаконично: «Историки верят в истинность или объективность своих утверждений так, что это не формирует систематической рефлексии над природой истины. С методологической точки зрения, они принимают ее нерелевантно» (С. 260).

«некоторой совокупности теоретических размышлений об исторической эпистемологии, а именно — о проблеме границ и условий исторического знания»³². Он называет исторической эпистемологией один из аспектов исторического мышления, понимаемый как «имплицитные (а иногда и прямо выраженные) принципы “установления правды” о прошлом», которые «неотделимы от специфического контекста конкретного исторического исследования». Особого внимания, на мой взгляд, заслуживает содержание пятой главы книги «Объективность и рассуждение» (кстати, в понимании А. Мегилла, требование объективности является «*претензией на обладание когнитивной или эпистемологической значимостью*»)³³.

Во-первых, потому что в этой главе рассматриваются различные концепции объективности, что связано с одним из наиболее активно обсуждаемых теоретических вопросов как на международных научных форумах, так и в разных историографических традициях внутри национальных школ³⁴. Выделяются четыре основных типа объективности: философское требование объективности, или абсолютный тип; дисциплинарная объективность, которая берет за стандарт объективности консенсус в конкретном исследовательском сообществе; интеракционный, или диалогический тип (взаимодействие между субъектом и объектом, с учетом субъективности познающего); наконец, процедурный тип объективности, который имеет целью исключить любую субъективность, все субъективные источники ошибок и ориентируется на соответствующую методiku исследования³⁵.

Во-вторых, в одном из разделов этой главы («Проблема исторической эпистемологии: что знали соседи о Томасе Джефферсоне и Салли Хэмингс?») — редкая удача — показано на конкретно-историческом материале, как может быть решена известная всем историкам проблема «неполноты данных» при помощи строго выверенного, или *правильного* (т. е. проводимого по принятым ученым сообществом правилам) хода логико-теоретических рассуждений³⁶. При всей теоретичности положений, выдвинутых автором в этой и других главах книги, ее основной пафос обращен не на то, как думают историки, а на то, что именно они делают, не только получая позитивные результаты, но также совершая и преодолевая ошибки. Пожалуй, А. Мегилл, известный специалист по интеллектуальной истории, демонстрирует в обсуждении проблем эпистемологии наиболее практичный, прагматический подход, акцентируя роль методических правил и норм профессиональной деятельности историка.

Вопрос о профессиональных нормах и правилах действительно является ключевым, так как он ставит креативное воображение индивидуального историка в рамки коллективных допущений. Этот вопрос во всех деталях рассмотрен в книге Рольфа Тоштендала «Профессионализм историка и историческое знание»³⁷. В любой дисциплине суще-

³² Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 6.

³³ Мегилл А. Историческая эпистемология. С. 368.

³⁴ См., в частности: Может ли история быть объективной? Материалы международной научной конференции / Под ред. С. П. Карпова. М., 2012.

³⁵ Мегилл А. Историческая эпистемология. С. 369–370.

³⁶ Содержание этого раздела дает преподавателю чрезвычайно полезный материал для учебного разбора со студентами, что было апробировано на спецсеминаре для магистрантов кафедры Теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ.

³⁷ Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание / Пер. с англ. А. Ю. Сергиной. М., 2014.

ствуется набор правил, регулирующих исследовательскую практику, а за нормами стоит «некая цель, которую предполагается достичь путем соблюдения рекомендованных или предписанных методологических правил. Эта цель имеет отношение к производству знания»³⁸. Функция нормативной системы науки напрямую связана с проблемой «истинности», включая способы «открытия» истины. Анализируя нормативные аспекты исследовательской деятельности, Р. Тоштендаль выделяет минимальные требования и оптимальные нормы. Историки должны стремиться к выдвиганию фактически и теоретически обоснованных утверждений, которые будут иметь ценность, если только они следовали принятым нормам академического сообщества, как методологическим правилам (т. е. минимальным требованиям), так и нормам, касающимся новизны и ценности результатов (т. е. оптимальным нормам)³⁹. И все же мне представляется более приемлемым понятие «актуального стандарта исторической науки», как концептуализирующее в совокупности «минимальные» требования «ремесла историка» и новые «оптимальные» нормы, задаваемые современной культурой.

Подводя предварительный итог, можно уверенно констатировать, что сегодня историки осознают и даже пытаются обосновать важность теории в историческом исследовании, поднимая в своих работах важнейшие вопросы исторического познания, пусть и не претендуя на формулирование каких-то теорий. Речь, как правило, идет именно о профессиональной деятельности, об исследовательской практике, о необходимости согласия по поводу используемых концептов, подходов и методов, а главное — базовых правил как в исследовании, так и в изложении полученных результатов. По существу, мы наблюдаем более или менее удачные попытки утвердить позиции истории как академической дисциплины, давая ей актуальное теоретическое обоснование, которое, признавая роль конструктивизма, оставляло бы место для поиска более адекватных исторических репрезентаций и — более того — его стимулировало.

Информация о статье

Автор: Репина, Лорина Петровна — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории, Российская Академия наук, профессор, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, ORCID 0000-0002-8008-9388, Researcher ID A-8518-2018, SPIN-код 6630-2840, e-mail: lorinarepina@yandex.ru
Заголовок: «Доступный нашим чувствам знак», или Историки в поисках эпистемологических аргументов

Резюме: В 1990-е гг. было само собой разумеющимся рассматривать так называемый лингвистический поворот, баталии «постмодернистов» и «реалистов» вокруг природы, статуса и основных понятий историографии как *Настоящее*. Сегодня эту бурную полемику, нашедшую свое выражение в самых разных дискурсивных формах, было бы интересно рассмотреть как *Прошедшее* — с точки зрения *Истории* исторической науки, а точнее истории дискуссий вокруг ее базовых проблем. И в такой исторической перспективе есть свои весомые преимущества. Стратегия историзации предметного поля дискуссии была полноценно реализована в широко известных работах О. Г. Эскле. Отталкиваясь от уже достигнутого в этом направлении, автор статьи обращает внимание на другую возможность анализа того же полемикального материала — сквозь призму интерактивного процесса конструирования новых

³⁸ Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание. С. 250–251.

³⁹ Подробно об этом см. главу 8 «“Правильно” и “плодотворно” — критерии исторической науки» (С. 221–249) и главу 9 «Историописание как профессиональное приращение знания» (С. 250–274).

версий, получивших в современной историографии бессодержательное наименование «умеренных», или «компромиссных». В статье дается оценка работы, проделанной ведущими историками этого направления по переосмыслению ключевых проблем исторического познания, включая вопрос об условиях и границах исторического познания в соотношении с вопросом об условиях и пределах научного познания вообще. Наиболее значимым в дискуссиях об объективности и исторической истине автор считает не ставшее традиционным обращение к тому, как думают историки, а более прагматичный подход, направленный на то, что именно делают историки, не только получая позитивные результаты, но также совершая и преодолевая ошибки. При этом акцентируется роль методических правил и норм профессиональной деятельности историка. Речь, как правило, идет именно об исследовательской практике, о необходимости согласия по поводу используемых концептов, подходов и методов, а главное – базовых правил, как в исследовании, так и в изложении полученных результатов. По существу, мы наблюдаем более или менее удачные попытки утвердить позиции истории как академической дисциплины, давая ей актуальное теоретическое обоснование, которое, признавая роль конструктивизма, оставляло место для поиска более адекватных исторических репрезентаций и стимулировало его. Рассмотрев ряд развернутых конструктивных предложений, выдержанных в духе неоклассической, или постнеклассической рациональности, автор приходит к выводу об их перспективности с точки зрения продвижения теории и метода «исторической науки о культуре».

Ключевые слова: историческая эпистемология, история историографии, релятивизм, профессиональные нормы, историческая наука о культуре

Литература, использованная в статье:

Агацци, Эвандро. Эпистемология и социальное: петля обратной связи // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 58–66.

Блок, Марк. Апология истории, или Ремесло историка. Москва: Наука, 1973. 232 с.

Буллер, Андреас. Три лекции о понятии «СЛЕД». Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. 128 с.

Гинзбург, Карло. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург, Карло. Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история: Сборник статей / Пер. с ит. и послесл. С. Л. Козлова. Москва: Новое издательство, 2004. С. 189–241.

Вжосек, Войцех. Культура и историческая истина. Москва: «Кругъ», 2012. 336 с.

Вжосек, Войцех. Историография как игра метафор: Судьбы «новой исторической науки». Эпистемология истории в поисках сменяющихся историографических метафор // Одиссей. Человек в истории – 1991. Москва: Наука, 1991. С. 60–74.

Кузнецова, Наталья Ивановна. Историческая эпистемология в поисках символического статуса // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 29–32.

Мегилл, Аллан. Историческая эпистемология. Москва: «Канон+», 2007. 480 с.

Может ли история быть объективной? Материалы международной научной конференции / Под ред. С. П. Карпова. Москва: Изд-во Московского ун-та, 2012. 224 с.

Репина, Лорина Петровна. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории – 1996. Ремесло историка на исходе XX века. Москва: Coda, 1996. С. 25–38.

Спигел, Г. М. К теории среднего плана: Историописание в век постмодернизма // Одиссей. Человек в истории – 1995. Москва, 1995. С. 211–220.

Тош, Джон. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. Москва: Весь мир, 2000. 296 с.

Тоштендаль, Рольф. Профессионализм историка и историческое знание / Пер. с англ. А. Ю. Серegiной. Москва: «Новый Хронограф», 2014. 346 с.

Филлюшкин, Александр Ильич. Смертельные судороги или родовые муки? Споры о конце исторической науки в начале XXI в. // Россия XXI. 2002. № 4. С. 64–99.

Эксле, Отто Герхард. Историческая наука в постоянно меняющемся мире // Диалог со временем. 2004. Вып. 11. С. 84–110.

Эксле, Отто Герхард. Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 49–60.

Jenkins, Keith. Re-thinking History. Revised edition. London: Routledge, 2003 (1st ed. — London; New York: Routledge, 1991). 128 p.

Kirby, Alan. The Death of Postmodernism and Beyond // Philosophy Now. A Magazine of Ideas. 2007. Issue LVIII (URL: <http://www.philosophynow.org/issue58/58kirby.htm>).

Mortimer, Ian. What isn't History? The Nature and Enjoyment of History in the Twenty-First Century // History. 2008. Vol. 93. No. 4. P. 454–474.

Munslow, Alun. Authoring the Past. London: Taylor&Francis, 2013. 224 p.

Munslow, Alun. The Future of History. London: Macmillan, 2010. 320 p.

Munslow, Alun. A History of History. London: Taylor&Francis, 2012. 232 p.

Munslow, Alun. Narrative and History. London: Palgrave Macmillan, 2007. 208 p. (2nd ed. — London: Palgrave Macmillan, 2018. 182 p.).

Information about the article

Author: Repina, Lorina Petrovna — Doctor in History, Chief Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, OrcID 0000-0002-8008-9388, Researcher ID A-8518-2018, SPIN-code 6630-2840, e-mail: lorinarepina@yandex.ru

Title: «A sign accessible to our senses», or Historians in Search of Epistemological Arguments

Summary: In the 1990s it was taken for granted to consider the so-called linguistic turn, the battles of «postmodernists» and «realists» around nature, status and the basic concepts of historiography as the Present. Today, this stormy polemic, which has found expression in a variety of discursive forms, would be interesting to consider as the Past from the point of view of the History of historical science, or rather, the history of discussions around its basic problems. And in such a historical perspective there are significant advantages. The strategy for the historical discussion of the subject field was fully implemented in the well-known works of O. G. Oexle. Based on what has already been achieved in this direction, the author of the article draws attention to another possibility of analyzing the same polemic material — through the prism of the interactive process of constructing new versions, which in modern historiography have received the meaningless name of «moderate» or «compromise». The article assesses the work done by leading historians of this direction in rethinking the key problems of historical knowledge, including the question of the conditions and boundaries of historical knowledge in relation to the question of the conditions and limits of scientific knowledge in general. The author considers the most significant in discussions of objectivity and historical truth not a traditional appeal to how historians think, but a more pragmatic approach aimed at what historians do, not only receiving positive results, but also making and overcoming mistakes. The role of methodological rules and norms of professional activity of the historian is emphasized. Having considered a number of detailed constructive proposals, sustained in the spirit of neoclassical or post-non-classical rationality, the author comes to the conclusion that they are promising from the point of view of advancing the theory and method of «historical science of culture».

Keywords: historical epistemology, history of historiography, relativism, professional norms, historical science of culture

References:

Agazzi, Evandro. Epistemologiya i sotsial'noe: petlya obratnoy svyazi [Epistemology and the social: feedback loop], in *Voprosy filosofii*. 2010. No. 7. Pp. 58–66. (in Russian).

Blok, Mark. *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [Apology of history, or Handcraft of the historian]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 232 p. (in Russian).

Buller, Andreas. *Tri lektzii o ponyatii «SLED»* [Three lectures on the concept of “The Trace”]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2016. 128 p. (in Russian).

Filyushkin, Aleksandr Ilyich. Smertel'nye sudorogi ili rodovye muki? Spory o kontse istoricheskoy nauki v nachale XXI v. [Deadly cramps or birth torture? Disputes about the end of historical science at the beginning of the twenty-first century], in *Rossiya XXI*. 2002. No. 4. Pp. 64–99. (in Russian).

Ginzburg, Carlo. Primety: Ulikovaya paradigma i ee korni [Signs: Evidence paradigm and its roots], in Jenkins, Keith. *Re-thinking History. Revised edition*. London: Routledge Publ., 2003 (1st ed. — London; New York: Routledge Publ., 1991). 128 p.

Kirby, Alan. The Death of Postmodernism and Beyond, in *Philosophy Now. A Magazine of Ideas*. 2007. Issue 58 (URL: <http://www.philosophynow.org/issue58/58kirby.htm>).

Kuznetsova, Nataliya Ivanovna. Istoricheskaya epistemologiya v poiskakh simvolicheskogo statusa [Historical epistemology in search of symbolic status], in *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2017. Vol. 51. No. 1. Pp. 29–32. (in Russian).

Megill, Allan. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. Moscow: «Kanon+» Publ., 2007. 480 p. (in Russian).

- Mortimer, Ian. What isn't History? The Nature and Enjoyment of History in the Twenty-First Century, in *History*. 2008. Vol. 93. No. 4. Pp. 454–474.
- Munslow, Alun. *A History of History*. London: Taylor & Francis Publ., 2012. 232 p.
- Munslow, Alun. *Authoring the Past*. London: Taylor & Francis Publ., 2013. 224 p.
- Munslow, Alun. *Narrative and History*. London: Palgrave Macmillan Publ., 2007. 208 p. (2nd ed. — London: Palgrave Macmillan Publ., 2018. 182 p.).
- Munslow, Alun. *The Future of History*. London: Macmillan Publ., 2010. 320 p.
- Oexle, Otto Gerhard. Fakty i fiktsii: o tekushchem krizise istoricheskoy nauki [Facts and Fiction: About the Current Crisis of Historical Science], in *Dialog so vremenem*. 2001. No. 7. Pp. 49–60. (in Russian).
- Oexle, Otto Gerhard. Istoricheskaya nauka v postoyanno menyayushchemsya mire [Historical science in a permanent changing world], in *Dialog so vremenem*. 2004. No. 11. Pp. 84–110. (in Russian).
- Repina, Lorina Petrovna. Vyzov postmodernizma i perspektivy novoy kul'turnoy i intellektual'noy istorii [The challenge of postmodernism and the prospects for a new cultural and intellectual history], in *Odissey. Chelovek v istorii – 1996. Remeslo istorika na iskhode XX veka*. Moscow: Coda Publ., 1996. Pp. 25–38. (in Russian).
- Spigel, Gabriel. K teorii srednego plana: Istoriopisanie v vek postmodernizma [Toward a Theory of a medium plan: Historiography in the Age of Postmodernism], in *Odissey. Chelovek v istorii – 1995*. Moscow, 1995. Pp. 211–220. (in Russian).
- Torstendahl, Rolf. *Professionalizm istorika i istoricheskoe znanie* [Professionalism of the historian and historical knowledge]. Translated from English by A. Yu. Seregina. Moscow: Noviy Khronograf Publ., 2014. 346 p. (in Russian).
- Tosh, John. *Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika* [The aspiration to the verity. How to become the Master of a historian]. Translated from English. Moscow: Ves' mir Publ., 2000. 296 p. (in Russian).
- Wrzosek, Wojciech. Istoriografiya kak igra metafor: Sud'by «novoy istoricheskoy nauki». Epistemologiya istorii v poiskakh smenyayushchikhsya istoriograficheskikh metafor [Historiography as a game of metaphors: Fates of the “new historical science”. Epistemology of history in search of changing historiographic metaphors], in *Odissey. Chelovek v istorii – 1991*. Moscow: Nauka Publ., 1991. Pp. 60–74. (in Russian).
- Wrzosek, Wojciech. *Kul'tura i istoricheskaya istina* [Culture and historical verity]. Moscow: Krug Publ., 2012. 336 p. (in Russian).